

Н.М.Новикова.

Лошица Прушинских как образец шляхетского двора.

Факты из биографии усадьбы и ее владельцев

История рода Прушинских, которые принадлежали к старинной гербовой шляхте и вели свое происхождение с середины XV века, переплелась с историей Лошицкой усадьбы в первой половине XVIII века. Для Беларуси это был период разностороннего кризиса, вызванного долгой чередой войн, приучивших несколько поколений белорусов не строить прочного жилья и планов на будущее. Экономический упадок отразился и на состоянии Лошицкого имения, одного из тех многочисленных поместий, основным назначением которых было производство сельскохозяйственной продукции, служившей удовлетворению потребностей феодалов. Более полутора столетий Лошицей владели несколько поколений князей Друцких-Горских. В начале XVIII века история этого древнейшего рода белорусских аристократов близилась к завершению. Вместе с тем таяла и их вотчина, уплывавшая из дырявых рук князя Михала Антония, который знал только один способ добывания средств — заставу, а затем продажу земельной собственности, предварительно обескровленной заставными владельцами.

В 1719 году Ежи Антоний Прушинский, крайчий минский, за сравнительно небольшую сумму в 28 тысяч 800 злотых снял с князя Михала заботу о Лошице и принял на себя обязательства по погашению висевших на имении долгов, среди которых было даже приданое княжны Горской¹. Не в пример прежнему, новый владелец был прилежным хозяином. При нем Лошицкое имение, избавленное от алчности заставных владельцев, переживало возрождение вместе со всеми своими подданными. Преображался и облик феодального двора: обновлялись и отстраивались жилые, хозяйственные и служебные постройки, появлялись новые посадки. Как и большинство белорусских шляхетских дворов в условиях натурального хозяйства, усадьба Прушинского возводилась домашними зодчими. В 1724 году на месте прежнего усадебного дома был построен новый. Его внешний вид сохранила для нас акварель Й. Пешки. Планировка состояла из девяти жилых покоев, которые были удобно сгруппированы вокруг просторных сеней и обогревались четырьмя кафельными печами.

Как подчеркивают исследователи белорусской истории (П.Козловский, А.Лютый, Е.Онищенко, И.Колобова и др.), к середине XVIII века на Беларуси было в основном завершено восстановление сельского хозяйства, и после длительного глубокого упадка начался его подъем. Вторая половина XVIII века — качественно новый этап развития феодальных отношений, характери-

зующийся переходом от натурального хозяйства к денежному, что приводило к накоплению дворами капиталов. Ярким проявлением интенсификации феодального хозяйства был рост вотчинного предпринимательства. По численности на первом месте находились винокуренные заведения и пищевые (мельницы и маслобойни). Наиболее товарной отраслью промышленного производства было винокурение. 96% продукции вотчинных винокурен продавалось². Не ограничиваясь сбытом водки купцам, феодалы строили и содержали свои корчмы, постоянные дворы и гостиницы, в которых реализовывали спиртные напитки своего производства, а также импортные. Вотчинная промышленность и фольварочное производство, тесно взаимосвязанные, участвовали, таким образом, в едином процессе развития феодального поместья, чему способствовал повысившийся спрос на сельскохозяйственные продукты в странах Западной Европы.

Отличительная черта феодального хозяйства во второй половине XVIII века — усиленное строительство. В ускоренном темпе сооружались винокурни, заезжие дома, склады, скотные дворы, различные хозяйственные постройки. Во всех поместьях имелись огороды и сады, птичьи дворы, пчелиные улья, рыбные пруды. В это же время появились посевы картофеля. Возникло парниково-тепличное хозяйство, расширялась площадь фруктовых садов. И, наконец, в резиденциях велось активное парковое строительство.

Все эти признаки развития, общие для Беларуси, встречаем и в Лошице. Ее инвентари второй половины XVIII века как хозяйственные документы дают не только полную и всестороннюю картину экономики имения, но и возможность представить и описать структуру двора, или усадьбы. Как документ, точно отражающий обличье отдельных служб и всю усадебную планировку, можно рассматривать и акварель Й.Пешки, которая передает застройку Лошицкого двора в начале XIX века и помогает определить масштаб и пропорциональные соотношения построек. Поскольку между составлением инвентарей и созданием акварели прошло от 25 до 30 лет, их сравнение обнаруживает изменения в композиции усадьбы, выразившиеся в нарушении компактности дворовой застройки и вызванные, очевидно, переменами функционального характера.

Изменения, произошедшие за время бытования усадьбы, которая в течение XVIII века сменила пятерых владельцев из дома Прушинских, для нас очень важны. В 1734 году поместье Ежи Антония, купившего Лошицу, унаследовал его сын, воспитанник римских иезуитов, Йозеф Антоний. Сначала он был чашником и подстаростой Минского воеводства. Затем в 1769 году выбран подкоморием минским, а в 1771 году — маршалком трибунальским. Кавалер орденов Белого Орла и св. Станислава. Имел семерых сыновей и шесть дочерей. После смерти жены, подвижный духом благочестия, он принял духовный сан и стал именоваться бискупом мелитенским. Но прежде чем окончательно обратиться к Богу, необходимо было позаботиться о вотчине, которая подлежала разделу между сыновьями. Двое из них, Игнатий и Ян, умерли в «кавалерском стане». Поэтому 16 марта 1779 года бискуп разделил свое наследственное и благоприобретенное имение на 5 равных взаимозаме-

няемых частей, каждая стоимостью в 200 000 злотых, и распределил их следующим образом. Старшему, минскому подкоморию Антонию, — семейную резиденцию — Новый Двор; минскому земскому судье Фелициану — Тростенец; Бегушки в Ошмянском повете — минскому подचाшию Тадеушу; Королицевичи с фольварками и деревнями — генерал-адъютанту Польских войск Станиславу; а Лошицу — младшему, Казимиру, шамбеляну Польского двора. «Сверх того, разные дома и пляцы в городах Минске и Вильне разделил между тех же сыновей», — гласит документ. Однако имение Тростенец, назначенное Фелициану, бискуп, подумав, оставил до поры при себе, а сына удовлетворил наличной суммой в 200 000 злотых на покупку имения Гордечно в Ошмянском повете. Раздел был одобрен и подписан сыновьями³.

Итак, Лошица досталась Казимиру, которому было тогда около 20 лет. Вскоре после раздела Казимир выехал в Вильню, где изучал отечественное право и где в то время проходили заседания Главного Литовского Трибунала, привлекая в столицу многочисленную и разношерстную публику. По всей вероятности, юный шамбелян плохо разбирался в людях. Под влиянием дурной компании он сделал несколько десятков тысяч долгу и оказался совершенно без средств. Долги, очевидно, были столь велики, что недвижимость, то есть Лошица, оказалась под угрозой. Насмерть перепуганный Казимир обратился за помощью к брату Станиславу. Было решено, дабы не пропала вотчина, за что суровый отец не погладит по головке, оформить не нее дарственный документ в пользу Станислава. Таким образом, Станислав становился владельцем Лошицы с принадлежностями, а заодно «и всей рухомостью, какую на тот час имел Казимир»⁴. Ввод во владение был выполнен очень быстро и тайне от отца, который, несмотря на раздел имений, оставался их пожизненным владельцем, что несколько ограничивало права сыновей на собственность.

О степени включения братьев Прушинских в существовавшую в то время политику мы не имеем других сведений, кроме указания их должностей, которые, тем не менее, подсказывают, что эти люди принадлежали к наиболее просвещенному кругу. О том же свидетельствует и приверженность семьи к ордену иезуитов. Не удивительно поэтому, что став владельцем Лошицы, 26-летний генерал-адъютант Польских войск Станислав Прушинский развернул в ней активное строительство. В усадьбе появились кухня, новая обора, парники, прачечная, баня. Под окнами дома, со стороны реки, был разбит палисадник, возможно как элемент будущего парка. Изменения коснулись также дома, получившего еще две печки — во втором и пятом покоях, и церкви. Существовавшую усадебную церковь, которая, по всей вероятности, обслуживала религиозные потребности преимущественно униатского населения, генерал переделал настолько основательно, что это дало ему повод говорить о постройке в усадьбе в 1788 году костела⁵. Неподалеку был построен жилой дом для алтариста, выделен ему морг земли под огород и обеспечена ежегодная оплата в размере 700 злотых.

Через год Станислав продал Лошицу старшему брату Антонию, который пользовался особым расположением отца, а потому получил от него, помимо

назначенного разделом Нового Двора, еще и Тростенец, первоначально предназначенный Фелициану. Антоний, таким образом, стал владельцем трех частей отцовского имения.

Вотчину Антония в 1796 году унаследовал его старший сын Станислав Ксаверий, ротмистр Кавалерии Народовой Великого княжества Литовского, а впоследствии подкоморий минский. У него на попечении оставались еще малолетние братья — Томаш и Рафал. Поэтому, вступив во владение, Станислав Ксаверий не стал сразу делить имение, но как старший принял на свою долю общие для всех трех имений обязательства и выполнение следуемых с них платежей. Однако, воспользовавшись тем, что все три поместья непосредственно граничили между собой, он несколько изменил границы владений, обозначенные бискупским разделом. «Отделенными от Тростенца и Нового Двора деревнями, подданными и обшарами» он значительно увеличил лошицкие владения. Кроме того, как утверждали четверть века спустя его претензоры, «истощил Тростенец и Новый Двор немалыми из них выпродажами Ошторпам, Олендзикам, Кудиновичам и разной шляхте на 30 000 злотых с лишним, а также переносом в Лошицу капитальных строений и фруктовых деревьев».

17 марта 1799 года сыновья Антония Прушинского составили «вечисто дележный» документ, которым определили: «на часть Томаша — фольварок Тростенец с деревнями, заключающий 117 мужеска и 137 женска пола душ, а также каменный дом в Минске; на часть Рафала — имение Новый Двор с деревнями, заключающее 174 мужеска и 210 женска пола душ; на часть Станислава Ксаверия — остаток отцовского имения»⁶, то есть Лошицу. Интересно то, что Станислав Ксаверий, имея возможность выбора, предпочел Лошицу семейной резиденции (Новому Двору).

Таким образом, благодаря выбору нового владельца Лошица на рубеже XVIII и XIX столетий переживает изменение функционального содержания. Здесь на основе фольварочного хозяйства начинает формироваться усадебно-парковый комплекс. Если до сих пор динамика хозяйственных процессов и природно-географические условия организовывали усадебные постройки в функциональные зоны, то отныне их расположение учитывает не только многообразные практические надобности сельской жизни, но и ее прелести, столь ценимые феодальной знатью. Территория двора начинает освобождаться от хозяйственных построек, а вокруг дома постепенно складывается и развивается парк, который умножает эстетику усадьбы и влияет на образ жизни ее обитателей. Купание в пруду, катание на лодках, прогулки пешком и на лошадях, с целью и без цели, охота, фейерверки по поводу любого торжества. На этом фоне обитатели усадьбы решали повседневные задачи, которые ставила перед ними жизнь — рождение и воспитание детей, борьба с болезнями, приемы гостей, ответные визиты и постоянные хозяйственные заботы и хлопоты, которым сопутствовали неизбежные ссоры с соседями и судебные процессы.

Редкий землевладелец не имел так называемых «интересов», то есть долгов, и не вел юридических процедур. Подкоморий Прушинский исключе-

нием не был. Его постоянной головной болью был Йозеф Неморшанский, земский поветовый судья и владелец соседней Лошицы Одынцовской. Предметом непрекращающихся споров между ними были граничные леса. Борьба за них с переменным успехом велась на протяжении многих лет, а весной 1804 года особенно обострилась. Дело дошло до драки между крестьянами обоих помещиков. Хотя участие в акции наряду с крестьянами принимали средний сын Неморшанского и подкоморина Прушинская, их боевые действия доказать не удалось, так как подданные, несмотря на противоречивость показаний, старательно выгораживали своих панов. Сам подкоморий в это время был сильно болен и свою стратегию в суде осуществлял опосредованно — через доверенных лиц⁷. Спустя два года Прушинские приобрели еще одну многолетнюю тяжбу. На этот раз из-за строительства новой усадебной мельницы, возведенной на Свислочи, которая стала приносить владельцам ежегодно около 500 червонцев, но ущемила хозяйственные интересы соседнего казенного имения Малявки, поскольку мельничная плотина затопила заречные сеножати⁸.

Супругой Станислава Ксаверия была городничанка минская Анна Семашкова. С ней он нажил трех сыновей и дочь. Здоровье старшего сына Иренея внушало постоянное беспокойство, и с ним не связывали особенных надежд. Род предстояло продолжать Евстафию и Проту. В 1802 году согласно требованиям, установившимся еще в конце XVIII века, к детям был приглашен Николай Пидот, француз-гувернер. Вероятно, этот 20-летний юноша с академическим образованием знал свое дело. Он пришелся Прушинским ко двору и за свою службу получил от подкомория в пожизненное владение фольварок Николаев⁹. Какое образование получили сыновья подкомория в дальнейшем, нам неизвестно. Впрочем, и домашнее обучение, порой приносило совсем неплохие результаты. Но поскольку в этой семье образование детей традиционно было одной из главных забот, то естественно предположить, что сыновьям подкомория Прушинского (хотя бы одному из них) надлежало совершенствовать свои знания в каком-нибудь престижном учебном заведении. Хотелось бы думать, в Виленском университете, тем более что для Прушинских дорога туда была уже привычной.

В 1813 году, не дожив, вероятно, и до 50 лет, подкоморий умер. Обязанность заботиться о будущем детей легла на плечи вдовы, а обеспечить это будущее должна была Лошица. Младшие дети скоро покинули дом: дочь вышла замуж, а сын Прот Феликс начал военную карьеру в артиллерии конной гвардии Королевства Польского. Заниматься делами вотчины, таким образом, предстояло Евстафию, который в 1820 году и вошел во владение имением. Годовой доход Лошицы составлял тогда без малого 6 тысяч рублей, а общая оценка владений выражалась в сумме 99736 рублей 97 копеек¹⁰. Несколько лет Евстафий Прушинский потратил на то, чтобы разобраться с кредиторами отца, освободиться от долгов и выкупить у сестры и брата их права на наследство. С 1825 года он стал единоличным владельцем значительно сократившейся вотчины. Помимо фольварка Николаев, который заботливая подкоморина предусмотрительно выкупила у бывшего гувернера, лошицкому име-

нию принадлежали три деревни – Лошица, Корзюки и Коледичи – с небольшим числом подданных и весьма скромным достатком.

Заботу о вотчине Евстафий Прушинский совмещал с государственной службой, вступив в нее по выборам дворянства 18 сентября 1820 года. Вначале его деятельность была связана с комитетом земских повинностей, а в 1825 году он начал службу в качестве заседателя 2-го Департамента Минского Главного суда. Рассматривал гражданские дела, поступавшие на апелляцию из нижестоящих судов о разделе имений, о возвращении долгов, установлении права собственности на недвижимость и т.д. Занятия подобного рода, вероятно, стали сферой реализации знаний, которые владелец Лошицы успел приобрести в университете. Способности и трудолюбие молодого юриста были оценены. Через год в возрасте 29 лет он возглавил Департамент, став его председателем. В связи с Польским восстанием, после ликвидации прежней судебной системы Евстафий Прушинский в октябре 1832 года снова был избран на должность председателя преобразованного уже органа¹¹. Теперь – Минской палаты гражданского суда. Избрание было высочайше утверждено, несмотря на участие в мятеже его младшего брата, Прота Феликса, который был причислен ко 2-му разряду государственных преступников и эмигрировал во Францию, а оттуда – в Бельгию.

Хотя служебные обязанности вынуждали Евстафия Прушинского жить в Минске, он, тем не менее, будучи тружеником от природы, много внимания уделял своему вотчинному владению. Мы не располагаем точными сведениями о преобразованиях, происходивших в Лошицкой усадьбе в это время, и об усилиях, предпринимавшихся владельцем в этом направлении, можем судить лишь приблизительно. Зато благосостояние его подданных, зафиксированное в инвентаре 1846 года, свидетельствует о большом внимании к ним и огромной работе¹². Необыкновенную доброту к подданным, которая отличала человека незаурядных способностей и образования, отметил в конце века «Słownik geograficzny Królestwa Polskiego»¹³. Очевидно, именно это качество стало тем цементом, который скрепил дружбу Прушинского и Дунина-Марцинкевича. Их роднило многое: служба по одному ведомству, широкий кругозор, либерализм, демократические убеждения и житейская мудрость, приобретенная за долгую жизнь среди бурных исторических событий. «У вобразе Прушынскага, – отмечает И.Науменко, – Вінцэнт Дунін-Марцынкевич убачыў як бы правобраз чалавека, здольнага палепшыць лёс сялян, знайсці шляхі вызвалення ад прыгону»¹⁴.

Лошицкая усадьба со своей тихой красотой, живой и чистой природой, неспешным бытом и избранным кругом друзей была, очевидно, особым интеллектуальным островком, с которым неразрывны чтение, музицирование, импровизации, домашний театр, споры о политике, подпитываемые сожалениями об ушедшем и надеждами на перемены. Но Евстафий Прушинский, бывший свидетелем безуспешных польских выступлений первой половины века и едва не потерявший после 1831 года часть имения, подлежавшего конфискации, сохранял лояльность к царским властям и политической крамолой не занимался. И власти это оценили. В 1873 году действительный статский

советник Евстафий Станиславович Прушинский, Минский губернский предводитель дворянства, был кавалером орденов св. Станислава 1-й и 3-й степеней, св. Анны 1-й и 2-й степеней, св. Владимира 3-й степени, имел две бронзовые медали и другие знаки отличия¹⁵.

Наши сведения о его семейной жизни чрезвычайно скудны. Известно, что Евстафий Станиславович был женат на Елене Викентьевна, дочери сенатора Гецевича, которая приходилась ему троюродной сестрой. Она была внучкой генерала Прушинского. Однако их семейная жизнь не сложилась. Супруги жили в разлуке. Детей у них не было. Поэтому в 1877 году, согласно завещанию Евстафия Прушинского, его родовое имение Лошица со всеми принадлежностями стало собственностью племянника – Ивана Ивановича Любанского.

Такова в общих чертах часть биографии Лошицкой усадьбы размером в полтора столетия и связанного с ней рода Прушинских герба «Любичь».

¹ НГА (Мінск), ф.1727, воп.1, спр.13, ч.12, арк.829—927; ч.13, 14, арк.928—1009адв.

² Козловский П.Г. Магнатское хозяйство западной и центральной Белоруссии во 2-ой половине XVIII в. Автореф. дисс. — М., 1974. — С.35.

³ НГА (Мінск), ф.319, воп.2, спр.2617, арк.101.

⁴ НГА (Мінск), ф.1769, воп.1, спр.14, арк.752—755адв.

⁵ НГА (Мінск), ф.179, воп.1, спр.60, арк.10.

⁶ НГА (Мінск), ф.319, воп.2, спр.2617, арк.101—101адв.

⁷ НГА (Мінск), ф.686, воп.1, спр.67.

⁸ НГА (Мінск), ф.179, воп.1, спр.181.

⁹ НГА (Мінск), ф.174, воп.1, спр.60, арк.31адв.—32.

¹⁰ Там же, арк. 35.

¹¹ НГА (Мінск), ф.299, воп.1, спр.2573, арк.1—1адв.

¹² НГА (Мінск), ф.142, воп.1, спр.761.

¹³ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 5. Warszawa, 1884. S.740.

¹⁴ Навуменка І.Я. Вінцэнт Дунін-Марцынкевіч. — Мн., 1992. — С. 90.

¹⁵ НГА (Мінск), ф.319, воп.3, спр.272, арк.4адв.—6адв.